

ВОСПРИЯТИЕ И ПОНИМАНИЕ АДРЕСАТА В ДИАЛОГЕ С ТЕКСТОМ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Чижова Лариса Алексеевна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматривается деятельность адресата коммуникативного акта – формирование навыков декодирования текстов разных типов, поликодовых и гомогенных, с участием вербального кода – текстов, представляющих разные жанры устной, письменной, печатной словесности и средств массовой информации. Изучение мотивации и целеполагания адресата текста при его декодировании включает исследование гносеологической и онтологической сторон деятельности человека в диалоге с текстом. Особое внимание нацелено на построении гипертекста в процессе интерпретации смысла текста адресатом при выработке критического отношения к воздействию – навыков контрсуггестивности – как стимула личностного роста для адресата акта коммуникации.

Ключевые слова: коммуникативный акт, адресант, адресат, иллюкуция, контрсуггестивность

В литературоведении при традиционном описании процессов восприятия и понимания текста участников акта коммуникации в качестве центра исследования выделяется создатель текста, адресант. Так, обычно именно автор, его мировоззрение, формирует центр внимания исследователя. Однако при бурном развитии средств массовой коммуникации востребованными оказываются многочисленные способы формирования воздействия на получателя текста в коммуникативном акте не только с участием художественного текста, прецедентного в национальной культуре. Различия мотивации и целеполагания для создания текста адресантом, с одной стороны, и для понимания текста при его декодировании адресатом – с другой, – важная установка для исследования психолингвистических черт деятельности как адресанта, так и адресата.

Формирование функционально-семиотической парадигмы в лингвистике послужило важной вехой на пути исследования коммуникативных актов. Включение понятия семиозиса в научную парадигму символизировало сосредоточение внимания не только на анализе вербального текста, но и на обоих участниках с их навыками вербализации смысла, с их мирозерцанием и характером заинтересованности в успехе или неуспехе акта коммуникации, хотя, следует отметить, что традиционно, со времен античности, философы концентрировали внимание на соотношении мысли и слова [Платон 1990] только у адресанта, создателя текста.

В современном общем языкознании важной вехой оказался не только поиск соотношения мысли и слова, но и описание выбора варианта из возможных средств выражения смысла для определения наилучшего способа воздействия на адресата, при

признании необходимости общей базы языковых навыков у обоих участников акта коммуникации, что объясняет введение понятия семиозиса в создании функционально-семиотической научной парадигмы. Однако психолингвистика и когнитивная лингвистика при анализе деятельности участников коммуникативного акта в основном сосредоточивала внимание на создателе текста. Так, при формировании традиции анализа семиозиса с выделением трех аспектов – семантики, синтактики и прагматики [Моррис 1982] – в центре внимания оказывалось соотношение связей смысла и его вербализации, а переход к смыслу от синтактики при декодировании текста, т.е. поведение адресата, его онтологическая деятельность, оставалась в тени.

Следует отметить, что восприятие и понимание окружающей действительности человека познающего – в центре внимания представителей наук гуманитарного цикла, в том числе филолога, а функциональная научная парадигма позволяет описать и создателя текста, и его получателя в акте коммуникации при учете достижений психолингвистики и когнитивной лингвистики. Такое направление исследований формируется когнитивной лингвистикой в отношении анализа вербального семиотического кода. Соотношение гносеологического и онтологического видов деятельности человека на пути познания формирует задачи общего языкознания и психолингвистики в описании эволюции Homo Sapiens в истории человечества на третьей планете от Солнца. При несомненном признании относительности фиксации знания в знаке / знаках вербального кода (причем, не только словом, но и текстом), при учете того, что концепт, в качестве представления знания в научной картине мира, может вообще не иметь способа вербальной презентации [Попова, Стернин 2010: 85–88], мы подчеркиваем значимость исследований речевой деятельности и адресанта, и адресата коммуникативного акта.

Внимание представителя современной когнитивной лингвистики сосредоточено на выявлении соотношения концепта и способа его вербализации обычно вне отношения к противопоставлению социальных ролей адресанта и адресата, хотя интенции самоидентификации и самовыражения двух участников могут быть различными в выборе способа представления концепта из-за различия индивидуальных картин мира участников коммуникации и, что особо значимо, из-за различия оценок уровня навыков кодирования и декодирования смысла и оценок смысла у адресанта и адресата. Например, анализ случаев применения адресантом навыков суггестивного воздействия на адресата с использованием техник намеренной лжи, искажением подачи информативной составляющей сообщения, с одной стороны, и отсутствием у адресата навыков контрсуггестивности, навыков распознавания истинных намерений автора текста – с другой, требуется не только выделить разные типы адресантов и адресатов, но и ввести необходимость учета в классификации актов коммуникации признака успешности / неуспешности достижения цели как со стороны создателя текста, так и со стороны его получателя. То же касается изучения степени эмоционального воздействия в сфере декодирования оценки события со стороны адресата – это также требует от получателя текста не просто навыков базового уровня при декодировании смысла текста, но и навыков хотя бы первого уровня в классификации уровней Ю.Н. Караулова [Караулов 2010]. Следует отметить, что такой же аспект должен учитываться и в ситуациях «общения» читателя с текстом и художественного, и научного содержания: понимание текста вмещает такие уровни, как восприятие, осмысление и интерпретация.

Случаи псевдоуспеха коммуникативного акта возможны во всех сферах коммуни-

кации при отсутствии или неполноценности навыков со стороны как создателя текста, так и его получателя. Если обратиться к оценке успешности / неуспешности коммуникативного акта, то типология ошибочных решений возрастает в сфере поликодовых текстов. Причем в таких случаях приходится констатировать, что символический визуальный код может не только доминировать и способствовать успеху коммуникации, но, в случае несоответствия информации, предоставляемой визуальным и вербальным кодами, рисуночный код может быть главным в достижении целеполагания адресанта, вопреки вербальной части текста. Например, знаний базового уровня адресату достаточно, чтобы понять вербальную часть поликодового текста в следующем примере: “*Let me show you how democracy works*” («Позволь продемонстрировать тебе, как работает демократия»), однако именно рисунок с изображением военного самолета с падающими бомбами способствует пониманию намерения адресанта.



Анализ поликодового текста доказывает, что возможно несоответствие иллюкативного воздействия разных семиотических кодов: в приведенном примере рисуночный код символического типа оказывается более значимым, чем вербальный. В случае, когда в СМИ создаются, например, «фейковые» новости в ситуации информационной войны, именно зрительные образы оказывают наибольшее воздействие, в том числе при намеренном «приглушении» значимости вербальной части текста. Обычно усиление воздействия зрительного образа возникает именно при отсутствии вербализации, специального «умолчания». Такой именно тактики часто придерживаются СМИ Украины в показе событий на Донбассе в 2022 году.

При обращении к традиции функциональной парадигмы в научных исследованиях – анализа локуции, иллокуции и перлокуции при описании коммуникативного акта в истории общего языкознания – в центре внимания оказывается именно адресант и его деятельность в сфере описания создания вербального текста и направленной иллокуции на адресата. Хотя в лекциях Дж. Остина рассматривается вся совокупность сторон коммуникативного акта [Остин 1986: 22–130], как делает это и Дж. Сёрль [Сёрль 1986: 151–169], но наибольшее внимание уделено именно создателю текста в коммуникативном акте. Так, Дж. Сёрль в своей статье описывает иллокутивные силы, которые использует адресант для воздействия на своего адресата [Сёрль 1986: 170–194]. Рассмотрению форм речевого воздействия на адресата коммуникативного акта и описанию социальных стереотипов иллокуции посвящено много работ в сфере прагматики. Особо следует выделить школу З.Д. Поповой и И.А. Стернина. Так, Иосиф Абрамович Стернин подробно останавливается на описании видов общения в соответствии с социальными ролями коммуникантов, представляет типологию имиджей, анализирует влияние фактора адресата на речевое поведение говорящего, степень эффективности воздействия [Стернин 2001, 2011, 2012], а в работе Ю.Е. Прохорова и И.А. Стернина исследуются национальные стереотипы речевого поведения в актах коммуникации [Прохоров, Стернин 2011].

Наша задача – концентрация внимания на адресате текста, на его восприятии, осмыслении, интерпретации текста в акте коммуникации, на своеобразном «диалоге» получателя текста и текста как такового. В семиотическом аспекте такую задачу сформулировал У. Эко [Эко 2007]. Исследование деятельности адресата предполагает выделение множества сторон рассмотрения заявленной темы: среди них – соотношение психических и когнитивных механизмов при декодировании текста, в том числе поликодового, а также вопросы интерпретации вербального кода при декодировании смысла с учетом разграничения, с одной стороны, устного и письменного вида представления текста и гипертекста в дискурсе с применением современных информационных технологий – с другой. Важно анализировать намерения у адресата попыток понять замысел создателя текста при формировании гипертекста с помощью или без помощи «посредников», в том числе информационных технологий, причем, не только в средствах массовой информации, а во всех сферах функционирования вербального кода: в текстах разных жанров, различных родов и видов словесности. Такова, в частности, должна быть работа с научным текстом при обращении к комментариям и ссылкам, в том числе – к цитируемой литературе.

В жанрах устной словесности внимание психолингвистов и социолингвистов привлекают стороны прагматического воздействия, формирования правил коммуникативного поведения универсального типа: таковы правила Г.П. Грайса [Грайс 1985: 217–237] и Дж. Лича [Leech 1983], при этом основное внимание уделяется поведению адресанта. Однако не менее важны исследования в сфере формирования у адресата акта коммуникации навыков критического отношения к оценке всех сторон поведения адресанта. Именно эта сторона – анализ поведения адресата – актуализируется в современном обществе, особенно в тех случаях, когда получатель текста не обладает навыками объективно оценивать не только автора, но и всю ситуацию, воспроизводимую в акте коммуникации.

Если в центр внимания поставить фигуру адресата коммуникативного акта, то большие успехи достигнуты в сфере изучения невербальной коммуникации – при описании

языка мимики, жестов и говорящего, и слушающего, что дает основание диагностировать неискренность в передаче информации, а также сформировать представление о психотипе и адресанта, и адресата. Этот аспект требует от участников общения формирования навыков кодирования и декодирования невербального текста: для адресата – распознавание суггестии со стороны говорящего и для обоих участников – проявлений следования культурной традиции или влияния эмоций [Крейдлин 2002]. Анализ поведения участников коммуникации усложняется, если исследованию подлежит поликодовый текст – с вербальным и невербальным компонентами.

Приведем пример анализа двух актов коммуникаций: чтение текста пьесы А.Н. Островского «Бесприданница» и просмотр одноименного фильма режиссера Я.А. Протазанова 1936 года. При сопоставлении отрывка вербального текста пьесы А.Н. Островского [Островский 1875: 7–81] и сцены фильма Я.А. Протазанова как особого поликодового текста, в котором взаимодействуют различные семиотические коды, в том числе воспринимаемый зрением код жеста, мимики, телодвижения персонажа с позиции зрителя в качестве адресата, можно увидеть, как проявляется различие степени иллюкутивного воздействия на читателя и зрителя адресантов двух текстов – драматурга А.Н. Островского, с одной стороны, и создателей фильма Я.А. Протазанова в качестве вторичных коллективных авторов: режиссера, оператора, актеров, костюмеров и других членов съемочной группы – с другой.

Сопоставим восприятие и понимание сходной сцены в пьесе и в фильме со стороны адресата. В пьесе «Бесприданница», в явлении двенадцатом третьего акта, автором подчеркивается активная роль Паратова в разговоре с Ларисой: характерно описание поведения Паратова – ремарки типа *Страстно смотрит на Ларису*, а о Ларисе сказано, что она говорит *тихо, опустя голову*. В речи Ларисы – первоначальная неуверенность в принятии решения следовать за Паратовым, а затем происходит смена активности ролей Паратова и Ларисы [Островский 1975: 61–63].

В фильме же Я.А. Протазанова (с 17 минуты и далее) в самом начале сцены разговора двух персонажей явно проявляется активная роль вербального поведения Ларисы, но в интерпретации жестов, мимики актрисы, ее телодвижений – неуверенность Ларисы в правильности выбора сценария поведения по отношению к Паратову [Бесприданница]. В поведении Паратова в начале анализируемой сцены фильма – спокойствие, даже безразличие, осознание своего превосходства над всеми. Так для зрителя подготовлена возможность формирования настороженности в оценке искренности чувств Паратова к Ларисе. Таким образом, при декодировании поликодового текста, как в примере с фильмом «Бесприданница», возникают дополнительные возможности воздействия суггестии со стороны адресанта на восприятие и понимание смысла со стороны адресата.

Анализ отрывка пьесы и сцены из фильма вызывает необходимость рассмотрения интерпретации текста в акте коммуникации с двух позиций: во-первых, сопоставление монокодового и поликодового текстов; во-вторых – сопоставление восприятия и понимания адресата при чтении текста пьесы и в ситуации «общения» с экранизацией пьесы. Если ставить адресата в центр внимания исследователя, то следует остановиться на нескольких аспектах антропологического характера: значимости формирования навыков чтения в процессе социализации личности и влиянии социальных факторов на место чтения в отношении к другим формам социального общения вербального типа.

Необходимость привлечения внимания к адресату в аспекте формирования социальных навыков чтения очевидна: в дидактике, при обучении чтению, пожалуй, наиболее востребованному аспекту формирования навыков человека в общении с вербальным текстом, главное внимание должно быть уделено семье и школе как важнейшим социальным институтам. Важность формирования навыков понимания вербального текста – условие успеха социализации личности в обществе на всех этапах ее развития, более того, именно навыки понимания вербального текста способствуют преемственности в сфере культурного наследия нации. Именно чтению человек обязан возможности расширения своего круга представлений о себе и об окружающем мире. Сопоставляя интерпретации различных текстов, адресат приобретает способность анализировать собственные поступки и прогнозировать их последствия в будущем, что способствует формированию, в том числе, объективной оценки информационного потока – для выяснения «темных пятен» в своем понимании событий и текстов, а такие навыки являются необходимым фактором для осознания значимости события, если происходит смена социальных ролей: адресат текста становится автором своего текста, что требует осознания личной ответственности за интерпретацию события.

Изучение техники чтения в общении с текстом при декодировании его смысла – важная сторона изучения не только биографии отдельного человека, но и истории цивилизаций. Так, во введении к сборнику «История чтения в западном мире от Античности до наших дней» [Кавалло, Шартье 2008: 9–52] отмечены черты смены эпох в отношении к письменному тексту – от традиции проговаривать письменный текст вслух в эпохе чтения текста «с требованием тишины», как было в средневековой Европе, что до сих пор является установкой работы в библиотеке – к эпохе чтения «про себя», часто с опущением частей текста без попыток углубления понимания фу! текста, а затем к эпохе возможностей компьютерных технологий для обращения к комментариям разного типа, в том числе с установкой поиска аргументации в заочном «споре» адресата с автором письменного текста.

Еще более усложняется деятельность адресата при декодировании текста в межкультурной коммуникации при знакомстве с текстом в переводе на родной язык в отношении к тексту оригинала – на неродном языке. Сложности психологического восприятия и понимания текста в таких ситуациях – особая проблематика психолингвистики и дидактики. Об этом рассуждал Георгий Лозанов в своих лекциях [Лозанов 1971], и это требует особого внимания психолингвиста.

Если формирование навыков чтения – обычная задача в тех цивилизациях, в которых функционирует письменность, и общественное устройство способствует формированию социального института школы, то навыки декодирования устной речи со стороны адресата – до сих пор не только мало изученная сфера психолингвистики, но и область, не ставшая предметом школьного образования, хотя устная речь – базовый навык человека уже на ранних этапах его социализации. Однако опасность утраты формирования навыков устной речи, скорей всего, не грозит человечеству, а о снижении статуса навыков чтения в сфере понимания вербального текста как необходимой базы личностного роста следует задуматься не только филологам.

Показательны примеры описания деятельности адресата при восприятии и осмыслении текста в устном роде словесности при сопоставлении с интерпретацией читателем текста в жанре печатной словесности. Таков пример воспроизведения в записи устного рассказа «Дорогое яичко» сказительницы из Саратовской области с переда-

чей ощущения крушения мира из-за того, что мышка, махнув хвостом, разбила яичко: «Деда плачет, баба горюет, сорока ногу изломала, тын расшатался, дуб с себя листочки посшибал», а затем и поповна не донесла воду с речки, попадя «с горя и выкинула пироги за окошко», а поп помер, разбив голову о косяк, тут «стали попа хоронить и поминки справлять» [Сказки Саратовской области 1937: 147–148]. В пересказе А.Н. Афанасьева сказки о Курочке звучит тот же мотив крушения привычного миропорядка: «девочка-внучка с горя удавилась», а дьячок перебил все колокола на колокольне, поп «все книги изорвал» [Афанасьев 2020]. В тексте же К.Д. Ушинского, предназначенного для общения адресата с письменным текстом (текст знаком каждому русскому человеку с детства), ощущение катастрофы космического масштаба отсутствует и вводится новая категория ценности яйца – яйца не простого, а золотого, вместо представления о яйце как о мироздании, когда представляются слова Курицы при общении с дедом и бабой [Ушинский 2016]. Главное – то, что происходит смена ориентации в системе ценностей при построении картины мира для адресата письменного текста:

Курочка кудахчет:

«Не плачь, дед, не плачь, баба!

Я снесу вам яичко другое,

Не золотое – простое».

Своеобразное подтверждение той же аксиологической интерпретации смысла фиксируется и в тексте А.Н. Толстого [Толстой 1940: 8]: после того, как яйцо оказалось разбитым, курицы стали летать, «ворота скрипеть, сор под ногами закурился, двери побутусились, тын рассыпался, верх на избе зашатался», но обещание Курочки снести золотое яичко предотвратило «катастрофу», и все успокоилось – в отличие от рассказа народной сказительницы звучит та же тема смены ценности:

А курочка-ряба им говорит:

– Дед, не плачь, бабка, не рыдай,

Куры, не летайте,

Ворота, не скрипите, сор под порогом,

Не закуривайся,

Тын, не рассыпайся,

Верх на избе, не шатайся,

Снесу вам еще яичко:

Пестро, остро, костяно, мудрено,

Яичко не простое – золотое.

Пример разных вариантов сходных по сюжету текстов о курочке и разбитом яйце был приведен для того, чтобы показать, насколько различна интерпретация сюжета сказки в устной и письменной словесности, как изменяется картина мира при декодировании устного и письменного текстов, с описанием воздействия на читателя при формировании у него системы ценностей, в отличие от воздействия на слушателя в общении с представителем народа, без претензии сказительницы на авторство.

Действительно, известны попытки создания в письменной традиции знаков, позволяющих установить связь с устной речью, – в том числе знаков препинания, знаков-диакритиков или приемов графического построения поэтического текста – в буквенной письменности. Приведем только один пример возможной интерпретации письменного текста для определения психотипа поведения персонажа в басне И.А. Крылова «Волк и Ягненок» [Крылов 1946: XIII]: при описании вербального поведения Волка переда-

ется интонационное членение речи, когда Волк отстаивает свое право сильного, что отражено графическим способом представления словоформы *моё* отдельно в строке, что позволяет ощутить иллюкутивную силу слов Волка и формирует этическое неприятие этого персонажа в восприятии читателя:

Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом

Здесь чистое мутить питье

Моё

С песком и с илом?..»

В русском письменном тексте выработаны специальные знаки, помогающие интерпретировать текст. Таковы, например, знаки препинания, в том числе вопросительный знак, символизирующий вопрос в диалоге, с одной стороны, и сочетание знаков вопросительного и восклицательного для выражения риторического вопроса при передаче степени иллюкутивной силы утверждения, – с другой стороны.

Исследование процедур восприятия и понимания письменного текста на современном этапе развития общества постиндустриального типа требует пристального внимания и психолога, и социолога, и лингвиста: применение цифровых технологий позволяет каждый письменный текст выстраивать как гипертекст с системой гиперссылок, и этот навык позволяет адресату следовать за предложенными возможностями расширения, углубления информационной составляющей воспринимаемого текста, а также способствует выстраиванию таксономических отношений между понятиями, отраженными в вербальном тексте. От обширности базы данных, таланта создателя программного обеспечения, а также от степени заинтересованности адресата в теме сообщения зависит глубина понимания темы условным читателем при создании гипертекста. Однако и на этом новом этапе возможностей восприятия и углубления понимания текста адресат остается пассивной фигурой в акте коммуникации, поскольку читатель следует за ссылками, предоставленными так называемыми «вторичными» авторами текста (первичный автор – создатель текста, подвергаемого затем специальной обработке в дискурсе при формировании перекрестных ссылок, как представлено, например, в электронной энциклопедии «Кругосвет» [Энциклопедия Кругосвет]). Так, в привычной для филолога работе с текстом требуется учет комментария разного типа. К примеру, при трактовке диалога «Кратил» Платона, в связи с необходимостью понимания для читателя соотношения гносеологических и онтологических аспектов описания познавательной деятельности человека, отраженных в слове как единице лексической системы, трудно обойтись без обращения к комментариям А.Ф. Лосева и А.А. Тахо-Годи.

В процессе формирования навыков филологического анализа вербального прецедентного типа текста, важного для определения этнокультурной самоидентификации автора, предполагается формирование у читателя навыков декодирования смыслов и осмысления текста на первом и втором уровнях в упомянутой концепции Ю.Н. Караулова [Караулов 2010]: на уровне определения аксиологических ценностей в картине мира создателя текста, с одной стороны, и на уровне выявления средств воздействия автора на формирование картины мира читателя, – с другой.

Без сомнения, анализ деятельности создателя вербального текста на двух обозначенных уровнях зависит во многом от степени таланта адресанта, а также от влияния литературного жанра в пределах литературного направления. Так, отказ от представления привычной в обыденном восприятии временной последовательности событий, включение отступлений в романе в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина, а также

наличие эпиграфов как своеобразных меток гипертекстовости – все эти особенности построения текста инициируют интерес читателя, создают перспективу развития его познавательной деятельности с целью не только воссоздания синхронного среза картины мира автора текста, но и выстраивания соотношения со своей картиной мира, с синхронным срезом времени для читателя – своеобразный тип диахронического представления разных эйдосов в создаваемом читателем своего гипертекста, что свидетельствует о высоком уровне развития личности читателя. Выработка таких навыков интерпретации текста – важная задача профессиональной подготовки филолога в системе высшего образования.

Однако следует отметить, что навыки интерпретации адресатом текста любого типа должны быть сформированы у каждого человека вне зависимости от его социальной роли, статуса, профессии, гендерной принадлежности, от возраста. Возможность формирования таких навыков – прежде всего в сферах функционирования семьи и образовательной системы государства. Очевидно, что наличие у адресата навыков внимательного чтения, построения собственного «гипертекста» со своими маркерами дополнительных сведений в целях выработки критического отношения к чужому тексту, а также формирования оценки собственной познавательной деятельности – важный аспект суждения о функционировании социальной системы. Именно при обеспечении развития личности в качестве адресата в общении с вербальным текстом можно надеяться на сохранность национальной культуры для последующих поколений.

© Чижова Л.А., 2022

Литература

- Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
- Кавалло Г., Шартье Р. Введение // История чтения в западном мире от Античности до наших дней / ред.-сост. Г. Кавалло, Р. Шартье. М.: Изд. ФАИР, 2008. С. 9–52.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Изд. ЛКИ, 2010. 264 с.
- Крейдлин Г.Е. Невербальная семантика: Язык тела и естественный язык. - М.: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.
- Лозанов Г.К. Суггестология = Суггестология. София: Наука и искусство, 1971. 518 с.
- Лотман М.Ю. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: комментарий. М., 1980. 2-е изд. 1983. 416 с.
- Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. Сборник переводов. / Под ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1982. С. 37–89.
- Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Пер. с англ. / Сост. и вступ. ст. И. М. Кобозевой и В. З. Демьянкова. Общ. ред. Б.Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. 424 с.
- Остин Дж.Л. Слово как действие / Перевод с английского А.А. Медниковой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986. С. 22–130.
- Платон. Кратил. // Платон. Собрание сочинений в четырёх томах / Общая редакция А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 613–681.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. 314 с.
- Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. 4-е изд., М.: Флинта: Наука, 2011. 326 с.

Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов. / Перевод с английского В.З. Демьянкова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М.: Прогресс, 1986. С. 170–194.

Серль Дж.Р. Что такое речевой акт? / Перевод с английского И.М. Кобозевой. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М.: Прогресс, 1986. С. 151–169.

Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001. 227 с. URL: <http://sterninia.ru/index.php/izbrannye-publikatsii/item/109-vvedenie-v-rechevoe-vozdejstvie-2001> (дата обращения: 12.03.2022).

Стернин И.А. Основы речевого воздействия. Учебное издание. - Воронеж: «Истоки», 2012. 178 с.

Стернин И.А. Фактор адресата в речевом воздействии. Воронеж: «Истоки», 2012. 51 с.

Субботин М.М. Гипертекст. Новая форма письменной коммуникации / М.М. Субботин // Итоги науки и техники. Сер. Информатика. М.: ВИНТИ, 1994. 157 с.

Ушакова Н.В. и др. Основы психологии общения: Для бортпроводников. М., 1990. 111 с.

Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У. Эко. СПб.: «Симпозиум», 2007. 502 с.

Энциклопедия Кругосвет. URL: <https://www.krugosvet.ru/> (дата обращения: 12.03.2022).

Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон» РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с.

Leech G.N. Principles of Pragmatics / G. N. Leech. L.: Longman, 1983. 250 p.

Источники материала

Афанасьев А.Н. Русские народные сказки. М., Изд.: Альфа-книга, 2020. 1087 с.

Бесприданница (фильм Я. Протазанова, 1936 г.). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jhumDvwahE8> (дата обращения: 12.03.2022).

Крылов И.А. Полное собрание сочинений Т.3. М.: Изд. ОГИЗ, 1946.

Островский А.Н. Бесприданница // Островский А. Н. Полное собрание сочинений. В 12-ти томах. Т. 5. М.: Искусство, 1975. С. 7–81.

Сказки Саратовской области. / Сборник сост. Т.М. Акимова, П.Д. Степанов. - Саратов: Саратов. обл. изд., 1937. 206 с.

Толстой А.Н. Русские сказки. Том 1. - Москва, Ленинград: Изд.: Детиздат, 1940. 208 с.

Ушинский К.Д. Любимая книга сказок. М., Изд.: АСТ, 2016. 128 с.

Сведения об авторе:

Чижова Лариса Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Контактная информация:

119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, 1-й корп. гум. фак-тов
e-mail: lachizhov@yandex.ru

Для цитирования:

Чижова Л.А. Восприятие и понимание адресата в диалоге с текстом – психолингвистические аспекты // Вопросы психолингвистики № 2(52) 2022, С. 121–131. doi: 10.30982/2077-5911-2022-52-2-121-131

UDC 81'23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-52-2-121-131

Research article

**PERCEPTION AND UNDERSTANDING BY ADDRESSEE IN DIALOGUE WITH
TEXT: PSYCHOLINGUISTIC ASPECTS**

Larisa A. Chizhova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

Abstract

The article deals with the activity of the addressee of a communicative act, i.e. the formation of skills for decoding texts of various types, polycode and homogeneous, with components of a verbal nature – texts representing different genres of oral, written, printed literature and the media. The study of the motivation and goal-setting of the addressee of a text during its decoding includes the study of the epistemological and ontological aspects of human activity in dialogue with the text. Particular attention is paid to the hypertext construction in the process of interpreting the text meaning by the addressee in developing a critical attitude to the influence of the text creator as a stimulus for personal growth for the addressee of the act of communication, the skills of countersuggestivity, in deepening understanding of the text.

Keywords: communicative act, addresser, addressee, illocution, countersuggestivity.

© Chizhova L.A., 2022

Larisa A. Chizhova – Candidate of Philology (PhD), Assistant Professor, Department of General and Comparative-Historical Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

Contact information:

I Humanities, MSU, Leninskie Gory, Moscow, 119991

e-mail: lachizhov@yandex.ru

For citation:

Chizhova L.A. (2022) Perception and understanding by addressee in dialogue with text: psycholinguistic aspects. *Journal of Psycholinguistics*. 2(52), P. 121–131. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2022-52-2-121-131 (in Russian)